

Драган Куюнжич

ГЕОПОЛИТИКА И ПРОСТ-ЭТИКА¹

Драган Куюнжич – PhD, профессор. Университет Флориды. 118020, США, Гейнсвилл, Уокер холл, д. 202; e-mail: dragan@ufl.edu

В 1942 г. М. Хайдеггер провел семинар, посвященный поэме Гёльдерлина «Истр» (греческое название реки Дунай), в 2004 г. вышел фильм «Истр»; в статье оцениваются философские последствия семинара Хайдеггера для онтологии Европы и его топографии, а также влияние этого фильма. Автор занимает критическую позицию в отношении националистических последствий этих двух произведений. В 2001 году автор сделал свой фильм, «Застывшее время, текущие воспоминания» о резне в Нови-Саде в 1942 году, в результате которой погибли 1.400 евреев и сербов. В статье содержатся толкование и цитаты из фильма Истр, дополненные размышлениями о последствиях обоих фильмов для топографии Дуная, онтологии Европы и этики геополитики. Автор следует работе Сэмюэля Вебера, написанной против некоторых националистических последствий семинара Хайдеггера (а также недавно опубликованных «Черных тетрадей»). Статья направлена прежде всего на вопросы изобретения и конструирования национальной и европейской топографии в философии и литературе, написанной «после» Холокоста.

Ключевые слова: европейская геополитика, холокост, Гёльдерлин, Хайдеггер, кино, видео

---

¹ Статья представляет собой расширенную версию доклада, прочитанного в секторе эстетики Института философии РАН (*примеч. ред.*).

Это эссе многим, если не всем, обязано понятию Жака Деррида следа как золы. Кроме того, оно близко восхитительной работе Роберта Иглстоуна «Холокост и постмодерн», особенно главе «Зола философии, философия золы: Жак Деррида и след Холокоста» (*Eaglestone R. The Holocaust and the Postmodern. Oxf., 2004*).

...и вот – зола... это изглаживание... след...
то, что остается не оставаясь после Холокоста.

Ж. Деррида. Золы угасший прах

Фильм «Истр»² начинается с длинного плана с закатом на Дунае³. В основе фильма – одно философское предприятие: серия прочитанных Хайдеггером в 1942 г. лекций под названием «Гимн Гёльдерлина “Истр”». Ключевые принципы хайдеггеровской философии в фильме исследуют четыре философа: Вернер Хамахер (в дополнительных материалах, которые, к сожалению, доступны лишь на австралийской версии DVD), Жан-Люк Нанси, Филипп Лаку-Лабарт и Бернар Стиглер. В конце фильма мы слышим голос читающего «Истр» Хайдеггера, когда из кадра медленно выходит утка, на берегу Дуная, в Регенсбурге. Мы видим, что конструирование гео-онто-философского пространства, известного как Запад, *das Abendland*, отсчитывается от Греции и разворачивается в обратном направлении, как будто к новому истоку – Германии. Оно разворачивается назад, *rückwärts*, как говорит Гёльдерлин в «Истре». Хайдеггер с ним соглашается⁴. Таким образом, русло реки, где «Запад» встречает своего другого, *unheimlich* [жуткого, зловещего] – это то место и тот предел видимости, в котором Запад находит или открывает свою интимную, или экстимную⁵, изначальную «самость». Однако прерванное скольжение камеры, прерванный поток видео и течения реки предполагают, что текучесть этого большого онто-философского нарратива может быть не такой линейной, как может показаться. Собственно, у Гёльдерлина, как и у Хайдеггера, река течет в двух противоположных, противоречивых направлениях: от истока в Германии к истоку в Греции и наоборот. Сходное движение улавливается в противоречивой архивизации работы камеры, действующей, так сказать, против видеопотока, разделенной между тем, что она удерживает, архивирует, и тем, что она скрывает, утаивает, рассеивает и иногда уничтожает. Так что это плавание по Дунаю – не легкая прогулка.

Семинар «Истр» был написан в самый что ни на есть решающий для судьбы Германии (говоря хайдеггерианскими/шмиттеанскими терминами) и всей Европы момент. В 1942 г. исход войны еще не был определен. В своем недавнем неопубликованном эссе об этом семинаре «Мера для безмерного: Есть ли на Земле мера?» Самуэль Вебер резюмирует исторические события, составлявшие контекст семинара, особое внимание уделяя восточному фронту:

Эти размышления об исторической значимости поэзии Гёльдерлина находятся в чрезвычайно сложной, но неотрицаемой связи с историческими событиями, происходившими в то время. Несомненно, в хайдеггеровском прочтении нет места чему-то вроде биологизированного или расистского понятия “жизненного пространства”, которое двигало нацистов на Восток. Но есть ряд странных совпадений – скрытых, в чем-то более символических – способных натолкнуть на дальнейшие размышления⁶.

² *Barrison D., Ross D. The Ister. DVD, 189 min. Australia: Black Box Sound and Image, 2004.*

³ Истр (Истар) – древнегреческий топоним, обозначавший нижнее течение реки Дунай от Железных ворот (сужения длиной 120 км, которое из-за быстрин и порогов до XIX века было несудоходным). Древнеримское название Данувий изначально обозначало, напротив, верхнее и среднее течение Дуная, то есть реку до Железных ворот (*примеч. пер.*).

⁴ *Heidegger M. Hölderlin's Hymn «The Ister». Bloomington, 1996. P. 2–7.*

⁵ Неологизм Лакана (*exterieur + intimité*), обозначающий нечто антиномичное: наиболее близкое и внутреннее, являющееся одновременно внешним, к примеру, голос. Топологическим выражением экстимности служат тор и лента Мебиуса. – (*примеч. пер.*).

⁶ *Weber S. Measure for Immeasure: Gibt es auf Erden ein Maß? [Manuscript]. 2013.*

Для нас важен тезис Хайдеггера, основанный на строчке из стихотворения Гёльдерлина, о том, что Дунай течет вспять, по сути перенося Грецию – исток Запада и, соответственно, Европы – в Германию и леса Шварцвальда⁷. На этом пути из Греции в Германию вверх по Дунаю, как говорит весной 1942 г. Хайдеггер, требуется способность пережить «бездомность» и «обрести дом»: это, по выражению Хайдеггера, «определяло историческую задачу немцев как *обретение дома в неуютном* (Heimischwerden im Unheimlichen)». Таким образом, важно покинуть родной «дом», но оправдано это прежде всего как способ обретения «собственного» – то есть это «шаг к вхождению в собственное»⁸. Несущественное, чужое, Другое на протяжении Дуная, который переносит исток Европы прямо в Германию, остается декорацией, необходимой Германии, чтобы прийти к своему собственному, обрести *дом*, что, по Веберу, является классическим замкнутым метафизическим кругом, против которого Хайдеггер в других случаях приводил много убедительных доводов. Этот мотив все время возвращается в его эссе и семинарах, связанных с «гидропоэтикой» рек и геополитикой. В семинарах 1934–1935 гг., посвященных гимнам Гёльдерлина «Германия» и «Рейн», поэт Германии устанавливает каналы прямого общения с Богом («Поэт втискивает и загоняет молнию бога в слово и помещает это заряженное молнией слово в речь своего народа»⁹). Нельзя не заметить имманентизм в духе Реформации в сочетании со всежигающей¹⁰ искрой в этом хайдеггерианском тропе о происхождении языка, создании языка народа.

Огненная искра кажется излюбленным риторическим тропом Хайдеггера того времени, пишущего о языке. Мы увидим, как спустя семь лет эта игра огня, света и тени будет радикализована в семинаре «Истр», посвященном Дунаю, когда технологии (то, что я называю прост-Этическим) огня будут вовлечены в наихудшую историко-политическую ассоциативную сеть. А пока, в 1935 г., в заключение семинара «Рейн» Хайдеггер пишет: «Сражаясь в битве греков, но на противоположной стороне, мы становимся не греками, а немцами. <...> Час нашей истории пробил»¹¹.

Это обретение собственного было бы иным без нигилистического призыва желания очищения огнем, который оставляет лишь *золу*. Вот где совершенно убийственны два суждения из семинара о Дунае. Я продолжаю здесь критику, начатую Сэмюэлем Вебером, и поддерживаю его призыв к дальнейшему размышлению в связи с риторической, перформативной силой гёльдерлиновского «Истра», цитируемого Хайдеггером. Семинар начинается с чего-то, что искушает или даже заставляет назвать себя *приветствием наступлению всежжения* – цитирования строк, с которых, в свою очередь, начинается само стихотворение¹². Такое двойное начало, двойное заглавие обращает прописные буквы в заглавные и усиливает это эссе призывом, помещенным в начало размышлений о Дунае – званием к огню: «Приди же, пламя!». Иными словами, семинар апреля 1942 года начинается пришествием Холокоста и приветствием его погребальных костров. Далее Хайдеггер

⁷ «Тут кажется почти Течет он вспять...» (пер. В. Куприянова). – (примеч. пер.).

⁸ Ibid. (курсив мой. – Д.К.).

⁹ Heidegger M. Hölderlin's Hymns «Germania» and «The Rhine». Bloomington, 2014. P. 30. (пер. Д.В. Смирнова). – (примеч. пер.).

¹⁰ Здесь и далее при всех вхождениях слов holocaust/holocaustic с прописной буквы мы будем передавать их через всежжение / всежигающий / гибельный / погребальный, а с заглавной буквы – как «Холокост». – (примеч. пер.).

¹¹ Heidegger M. Hölderlin's Hymns «Germania» and «The Rhine». P. 266.

¹² «Приди же, пламя! Мы с вожделением Встречаем день...» (пер. В. Куприянова). – (примеч. пер.)

продолжает размышлять об истинном назначении (или духовном источнике: встреча двоих) Дуная, который течет «вспять» и обнаруживает свой *telos*, свое «кустье», в том числе «кустье» языка (немецкого) в Шварцвальде. Само путешествие Дуная через чужие страны идет к обнаружению его самости в Германии. Оно «связано с обретением дома в собственном»¹³. А что такое собственное, *heimisch*, предстоящее Дунаю после всех стран, через которые он течет в Германию? «Собственное в данном случае – это все, что принадлежит отечеству немцев. Что бы ни принадлежало Отечеству, само обретает дом у матери земли»¹⁴. Хайдеггер указывает не только онтологическую «сущность западного человечества», но и «историальные» онтические местности, связанные с рекой Дунай – к которой обращается Гёльдерлин, специфически интерпретируемый философом: «В соответствии со словами гимнов, мы должны мыслить *определенные и исключительные отношения* [курсив мой. – Д.К.], исключительность которых ясно выражена именами собственными в стихотворении “Истр”. “Герта” – немецкое имя матери земли. Отношения между Грецией и родиной в долине верхнего Дуная (Donau) названы ясно»¹⁵. «Устанавливая однозначный приоритет Домашнего над Чужим, в котором Домашнее нуждается лишь в том, чтобы вернуться к собственному, хайдеггеровское прочтение конструирует “исходное понимание”, которое в некоторых важных аспектах (но не во всех) напоминает тот принцип, который Хайдеггер критикует в современной политике: принцип “неоспоримого”»¹⁶.

Очищение огнем, посредством которого будет происходить возвращение домой, заражено, подожжено, если угодно, историческим и политическим контекстом, о котором пишет Вебер. Если размышление о позиции немецких армий (Хайдеггер цитировал строчку из стихотворения Гёльдерлина о Кавказе, когда в августе 1942 г. немецкая армия, стремясь к богатым нефтяным месторождениям под Баку, водрузила нацистский флаг на горе Эльбрус, самой высокой точке Кавказа) является легитимным дискурсивным ходом с целью проинтерпретировать и вписать семинар в контекст, то, конечно, можно вписать туда и погребальные костры Холокоста, необратимо разожженные 20 января 1942 года на конференции в Ванзее и отозвавшиеся эхом в первых словах семинара «Истр» – независимо от того, знал Хайдеггер об этом или нет.

В своей работе «О духе» Жак Деррида усмотрел в этом семинаре Хайдеггера продолжение его Ректорской речи 1933 г. с «приписыванием “темы земли и крови” “одухотворению национал-социализма”, вплоть до фрагмента 1942 г. “*Geist* есть пламя”»¹⁷. Таким образом, Дунай, направляющийся из Греции в Германию, можно понимать как транспортное средство, везущее катастрофу Европе и тем Другим в Европе, которые, не будучи присвоенными этим онто-теологическим движением и предназначением, падают в погребальный костер или, как мы вскоре увидим, в воды Дуная.

Сегодня мы знаем (я пишу эти строки в конце 2014 г.), что у Хайдеггера были и более развернутые заявления по поводу евреев – в недавно опубликованных «Черных тетрадах» («Die Schwarze Hefte»). Это своего рода интеллектуальные дневники Хайдеггера, большая часть которых была написана им в уединении в Шварцвальде, в окрестностях истока Дуная (*die Donauquelle*),

¹³ Heidegger M. Hölderlin's Hymn «The Ister». P. 48.

¹⁴ Ibid. P. 49.

¹⁵ Ibid. P. 43.

¹⁶ Weber S. Measure for Immeasure: Gibt es auf Erden ein Maß? [Manuscript]. 2013.

¹⁷ Derrida J. Of Spirit // Critical Inquiry. 1989. Vol. 15. No. 2. P. 457–474. Weber S. Measure for Immeasure: Gibt es auf Erden ein Maß? [Manuscript]. 2013.

в часе езды от Тодтнауберга. Эти мысли, все-таки дискредитирующие, не были опубликованы при жизни, но он и не запрещал их публикацию в будущем и даже хотел поместить их в собрание своих сочинений в качестве заключительной части. Размышления о еврействе, написанные в 1939 г., – это дискредитирующий и непростительный текст: «Вопрос о роли мирового еврейства – это не расовый, а метафизический вопрос о том типе человечества, который без всяких ограничений может взяться за искоренение всех существ из бытия как свою всемирно-историческую “задачу”»¹⁸. Таким образом, все, кто стоял на пути осуществления предназначения Германии, должны были быть «ограничены». Мы знаем, к чему это привело. Тот факт, что Хайдеггер знал, что однажды эти записи будут опубликованы и тем самым нарушится его молчание по поводу «еврейского вопроса», допускает двоякое толкование. Это попытка задним числом признать ошибку? Или это заявление, делаемое после смерти и в собрании сочинений как завещание, как остаток упрямой приверженности худшему? Ожидал ли Хайдеггер однажды найти сочувствующего читателя? (8 декабря 2014 г. в Дрездене, Германия, прошло масштабное собрание неонацистских групп; наверняка они были бы восприимчивы к такому сообщению). Такая интерпретация тем более возможна, что на протяжении тысяч страниц «Черных тетрадей» не встречается никакой критики нацистской политики в отношении евреев.

Впрочем, размышления об «Антигоне» Софокла в том же семинаре вкупе с первыми словами семинара по Гёльдерлину 1942 г., провозглашающими на манер пророка погибельное пришествие, – все это в гораздо большей степени оказывается обличением хайдеггеровского онто-теологического проекта «собственного». Чтение «Антигоны» Софокла в 1942 г. было продолжением или, возможно, пересмотром более известного и обсуждаемого истолкования «Антигоны» из «Введения в метафизику», которое Хайдеггер опубликовал в 1935 г. Это приводит нас ко второму, не признанному и пока еще не прокомментированному в критике Хайдеггера элементу, который связан с перформативными аспектами семинара о Дунае. Так, в многочисленных в истории философии, начиная с Гегеля, интерпретациях «Антигоны» очерчивается фигура справедливости, сестры, хоронящей мертвого брата (укладывая его в могилу или колыбель/утробу на вечный покой, выступая для него тем самым и матерью), состояния исключения, противоположного или агонального по отношению к общим нравам и современным законам. Хайдеггер в 1942 г. выстраивает чтение вокруг Антигоны, в то время как на восточном (Ister?) фронте громоздятся горы немецких мертвых братьев из *Wehrmacht*. Эта проекция «справедливости» возникает одновременно с массовым возвращением этих мертвых тел и их присвоением немецкой землей, которое заставляет их прийти к их собственному, обрести дом (стать *heimisch*) в Герте, матери-земле – самой Германии, изгое Европы и сестре, ждущей своих мертвых братьев. В этом может заключаться вся сила риторической и идеологической «ловкости рук» Хайдеггера в семинаре «Истр»¹⁹.

¹⁸ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 96: Überlegungen II–XV (Schwarze Hefte 1931–1938). Fr. a/M., 2014. S. 243.

¹⁹ «Стирая пыль с Антигоны» Кэрола Джекобса – это непревзойденные размышления об отношениях родства, гендерного и полового различия и этического, классический анализ: «Это прерывание спекулятивного, вероятно неизбежное, где в “Антигоне” интеллигентность и воспроизводство проблематизируются столь остро, также подразумевает нашу способность помыслить этическое» (Jacobs C. Dusting Antigone // MLN. 1996. Vol. 111. No. 5. P. 911). Нет никакой очистительной искры между языком и Народом, но есть непрестанное возобновление вопроса этики перед лицом государственной власти и ее возможности убивать.

Обратимся еще раз к истоку. Предназначение Германии описывалось в семинаре «Истр» явно не без некоторых христианских *проекций* в том, что касается самого Хайдеггера, и не без мессианских смыслов для немецкого *Volk*. Долина Верхнего Дуная (*Donautal*) оказалась проникнута не только «греческой» онто-телеологией, но и онто-теологией, а сам Дунай – мессианскими фантазиями и эпифанией: «Обратите внимание на данное Хайдеггером удивительное объяснение “судьбы”, связывающей его с Гёльдерлином: “Возможно, Гёльдерин, поэт, должен стать определяющей судьбой [*Geschick*] противостояния для того, кто мыслит [Хайдеггер], чей дед, согласно записям, был рожден в яслях [*in ovili*] (в фермерской овчарне), которые находятся в верховьях Дуная на самом берегу под утесом. Сокровенная история речений не знает случайностей. Все подчиняется судьбе [*Schickung*]”»²⁰. Циммерман цитирует неопубликованный фрагмент семинара «Истр», цитата изначально дается Отто Пеггелером (скончавшимся в декабре 2014 года бывшим студентом Хайдеггера, посвятившим около десяти книг его философии)²¹. Так что хайдеггеровской долине Верхнего Дуная с ее яслями и течением среди скал²² тоже, быть может, *неслучайно предназначено быть* рекой Иордан, символом «полноты Христа»²³. Так возникает еще одно (или даже несколько) раздвоение истока Дуная, Германия и Запад: в сторону/из Греции и в то же время в сторону/из Земли Обетованной, протекая против/в сторону, *gegen*, другого из или по направлению к противоречивому, «нечистому» истоку внутри каждого. В заключении книги «Хайдеггер и политика поэзии» Филипп Лаку-Лабарт пишет, что Хайдеггер создавал «*политическую религию*, или просто-напросто религию»²⁴. Противоречивое раздвоение Дуная в цитате выше в 1942 г. вкупе с огненным истоком языка немецкого народа и званием к огню в начале лекции «Истр» *совпадут* с «историальным» жертвенным очищением Европы и Христианства путем Холокоста, в *решающем противостоянии* с их собственным двойственным или множественным гетерогенным истоком, который в самом своем начале «заражен» еврейским «другим» и прочими другими. Для рождения Бога потребовалась смерть другого Бога. Лаку-Лабарт пересмотрел свои ранние взгляды времен написания и защиты диссертации «Хайдеггер, искусство и политика». Тогда он считал, что «в этой *операции* вовсе не было ничего жертвенного... [это было] чистое и простое *уничтожение*. Без следов или остатков»²⁵. Такая точка зрения, что «в Уничтожении (“Катастрофе”) не было ничего жертвенного», вызвала «тихий и встревоженный вопрос» Жака Деррида на защите диссертации: «Вы так уверены?». Много лет спустя в работе «Верности» Лаку-Лабарт ответит Деррида: «Я хочу сказать, что услышал тебя»²⁶.

Фильм «Истр» ставит ряд вопросов о том, как «представить», или снять на пленку, или как записать и заархивировать траекторию западной метафизики, читая поэзию Гёльдерлина *устами* Хайдеггера, как если бы она была написана «после Холокоста». Более того, в начале фильма, когда Бернар

²⁰ Zimmerman M.E. The Death of God at Auschwitz? // Heidegger and the Holocaust. Atlantic Highlands (NJ), 1994. P. 254.

²¹ Pöggeler O. Heideggers Politisches Selbstverständnis // Heidegger und die praktische Philosophie. Fr. a/M., 1988. S. 41. Ссылка на ту же цитату и источник как на надежные есть в кн.: Ott H. Martin Heidegger. Unterwegs zu Seiner Biographie. Fr. a/M., 1988. S. 20.

²² «Die im Oberen Donautal nahe dem Ufer des Stromes unter den Felsen liegt» (Ibid. S. 41).

²³ Эф. 4:13. (В Синодальном переводе речь идет о «полном возрасте Христовом». – (примеч. пер.).

²⁴ Lacoue-Labarthe Ph. Heidegger and the Politics of Poetry. Urbana, 2007. P. 92.

²⁵ Lacoue-Labarthe Ph. Heidegger, Art and Politics. L., 1990. P. 37.

²⁶ Lacoue-Labarthe Ph. Agonie terminée, agonie interminable. Sur Maurice Blanchot. P., 2011. P. 90.

Штиглер вводит тему происхождения *технэ* в мифе о Прометее, камера фокусируется на отбросах, скоплении биологически неразлагаемого пластикового мусора, плывущего по реке. Его расположение не сразу становится понятным. По ходу фильма этот плывущий мусор, относимый течением реки к ее разделенному, фантазматическому «истоку», появляется в кадре несколько раз без указания географического места. Пластиковый мусор, таким образом, становится нелокализуемым, безмолвным, до-символическим и странным видимым «другим», рассеянным по всему этому повествованию о реке и о «Западе». Только чуть позже в фильме станет понятно, что эти скопления мусора, лейтмотивом проходящие через весь фильм, появились вследствие разрушения мостов Нови-Сада в бывшей Югославии. И действительно, в месте скопления этих речных отбросов интертитры сообщают нам, что «первые временные мосты, возведенные взамен прежних, состояли из барж, которые перекрывали движение по реке». Эти временные баржи появились как следствие бомбардировок города Нови-Сад силами НАТО весной 1999 г. в ответ на военные преступления националистического режима Слободана Милошевича, который тогда был президентом Сербии.

Фильм «Истр» останавливается в Нови-Саде на своем пути на север или на юг (в этом гео-политико-поэтическом обращении вспять), чтобы найти там руины последней катастрофы европейского (то есть и сербского, а также от имени некоторого подлинного национального истока) милитаризма: бомбардировки авиацией НАТО мостов Нови-Сада весной 1999 г. Кадры отходов Европы и скоплений мусора около временного понтонного моста в Нови-Саде появляются как лейтмотив на протяжении всего фильма. Мосты символичны для образования европейского пространства, так как после многочисленных переговоров Евросоюз профинансировал очистку международного речного пути и восстановление разрушенных бомбами НАТО мостов. Таким образом, прерывание Европы, Запада и движения по реке разрушенными мостами отмечает эпоху, посредством которой западная современность в очередной раз жестоко прервала течение собственной истории – прервала разрывом или, если использовать понятие Лаку-Лабарта, *цезурой*: момент, выделяющий ход истории созданием необратимых, бионеразлагаемых руин.

В январе 1942 г. (как раз в то время, когда Хайдеггер писал свои лекции об «Истре») через день после конференции в Ванзее и как пролог к *окончательному решению* произошел погром, названный позже Резней («Рация») в городе Нови-Сад (21–23 января). Немецкие оккупационные силы руками союзных им венгерских военных подразделений согнали и вырезали около двух тысяч сербов и евреев – жителей Нови-Сада. Это произошло прямо на месте моста Свободы²⁷, восстановление которого фигурирует в фильме. То есть фильм повествует об очищении реки от отходов Европы и реконструкции мостов, но ни слова не говорит ни о событии, которое это место пережило более 70 лет назад, ни об очищении и очистке самого места. Тогда мирных жителей, включая младенцев, согнали и выстроили на местном пляже Штранд, а затем расстреляли из пулеметов. В ту зиму стояли суровые морозы, и Дунай, хайдеггеровский Истр, был накрепко скован льдом. С помощью другого технического устройства, динамита, во льду пробивались дыры, куда сбрасывались тела застреленных, а иногда и живых, которые были обречены захлебнуться и утонуть. Кровавые отверстия во льду указывали на место этого немецко-еврейского столкновения в Neusatz как

²⁷ Вантонный мост Свободы был построен в 1981 году и разрушен авиацией НАТО 4 апреля 1999 года. Восстановление велось в 2003–2005 годах. – (примеч. пер.).

на новое пространство Новой Европы и для Новой Европы, на этот раз очищенное от миазмов Европы, от европейского «другого». В романе Александра Тишмы «Книга Блама» (1972) именно тишина оказывается самым оглушительным звуком погромов:

“Наша газета” [местная еженедельная газета] не выходила 21, 22 и 23 января 1942 года – в дни рейда в Нови-Саде (комендантский час не позволял ни репортерам, ни наборщикам из типографии выходить из своих домов), но ни следующий выпуск (25 января), ни последовавший за ним ни словом не упомянули это событие. Как если бы 25 января на улицах не лежали более тысячи окоченевших трупов, как если бы снег не был красным от крови, а стены не были забрызганы мозгами, словно шепот ужаса не звучал в десяти тысячах домов²⁸.

Не стоит винить фильм «Истр» за то, что в нем не упоминается это событие, а внимание акцентируется на судьбе Европы после Холокоста, оставляя без внимания эпизод в Нови-Саде. Это маленькое, почти незаметное по сравнению с промышленным уничтожением европейских евреев событие показывает, что были найдены гораздо более эффективные инструменты. Остановка в Маутхаузене и размышления Лаку-Лабарта, пожалуй, являются самыми глубокими и волнующими моментами в фильме. Лаку-Лабарт критически разбирает печально известное высказывание Хайдеггера, в котором тот приравнивает Холокост к промышленному производству мяса животных, то есть представляет просто-напросто как эффект метафизического завершения современной эпохи: «Сельское хозяйство превратилось в механизированную индустрию пищевых продуктов. По своей сути это то же, что и производство трупов в газовых камерах и лагерях смерти». Однако Хайдеггер не упоминает вторую часть уравнения, операцию метафизического замыкания, работающую как источник энергии этой машины, расистской идеологии нацизма. «Дьявольское, что ни говори, дает пищу для размышлений», – говорит Левинас, комментируя эти слова. Во время интервью, когда кинокамера въезжает в газовые камеры Маутхаузена, съемка становится прерывистой, словно бы задыхаясь в невыносимом и все же непредставимом видении, преследующем эти помещения. Видеопоток начинает течь против самого себя, удерживая изображение, теряющееся в задыхающихся прерываниях. Дыхание Европы, ее пневма, душа или дух, задыхаются. Именно в конце этого эпизода, в котором Лаку-Лабарт курит сигареты одну за одной, рассуждая о духовном удушении, появляются заключительные интертитры со стихотворением Пауля Целана из сборника «Поворот дыхания» (1967):

*Глубоко
во времени трещине
рядом с сотами
льда
ждет, кристалл дыхания,
твое непреложное
свидетельство²⁹.*

Резня в Нови-Саде образовала трещину в замерзшем течении Дуная именно этими «сотами льда», окровавленными ранами на замерзшей поверхности реки, пересекая дыхание европейской истории и создавая место непреложного свидетельства. Непреложное – значит то, что не может быть забыто, биологически неразлагаемое, цезура, разрывающая течение евро-

²⁸ *Tišma A.* Knjiga o Blamu. Beograd, 1972. S. 95.

²⁹ Пер. А. Глазовой. – (примеч. пер.).

пейской истории. Но эта цезура остается молчащей и замалчиваемой в интерпретации Мартина Хайдеггера большим нарративом Европы как Греции и Дуная как *Истра*³⁰.

В своем документальном фильме «Замерзшее время, текущие воспоминания» (2012) о Резне в Нови-саде и об облаве Вель д'Ив³¹ я поднял эту тему в интервью с Павле Шосбергером³², выдающимся историком Холокоста в Сербии. В визуальном отношении меня особенно интересовали скопления бионеразлагаемых отходов около барж Нови-Сада, у подножия памятника жертвам Резне – мы видим это в фильме «Истр», и эти кадры я вмонтировал в свой фильм. В день съемок Шосбергера и разговора о Резне я снимал виды Дуная в том месте, где происходил погром и стоит памятник его жертвам и где, по совпадению, 29 июня 2010 года в рамках празднования «Международного дня Дуная» два местных художника строили инсталляцию «Чудовище из Дуная». Это была композиция из пластика, выловленного в водах Дуная и случайным образом размещенного у подножия памятника жертвам Резни в качестве манифеста местной экологической партии. Таким образом, инсталляция «Чудовище из Дуная» работает в фильме как повторение через технику и как переработка мусора, фигурировавшего в фильме «Истр» семью годами раньше. Это воспроизведение и вторжение в предшествующий фильм работает как творческий акт, удвоенный художниками, которых я снимал, а затем воспроизводится как новый фильм. В этом исключительном месте он может послужить фигурой того, чего я пытался добиться в «Текучих воспоминаниях»: унаследовать посредством технической, протезной, медиатической, воспроизводимости ужасное биологически неразлагаемое, уникальное наследие Резни, которое помечает или конституирует в моем восприятии «Нови-Сад».

Это объясняет цитирование стихотворения из «Поворота дыхания» Целана в «Текучих воспоминаниях». Его строки выводятся на черном экране после длинного плана с единственной существующей фотографией тел, плывущих по течению зимнего Дуная. Строка о «сотах льда» или «кристалле дыхания» отражается, как если бы она была буквальным передатком последнего, замерзшего дыхания жертв. Но это и кинематографический инструмент для

³⁰ В этом семинаре о Дунае, возможно, больше, чем в любых других своих работах, Хайдеггер подкосил собственную мысль: «В апокалипсисе Освенцима раскрывается не более и не менее, как сущность Запада – и она не прекратила с тех пор раскрывать себя. Именно эту мысль, бывшую ведущей для этого события, Хайдеггеру и не удалось распознать», – пишет Лаку-Лабарт (*Lacoue-Labarthe Ph. Neither an Accident Nor a Mistake // Critical Inquiry. 1989. Vol. 15. No. 2. P. 484*).

³¹ Антисемитская облава в Париже, организованная правительством Виши по требованию немецкой оккупационной администрации 16–17 июля 1942 года. В рамках операции «Весенний ветер» на парижский Зимний велодром для последующей отправки в лагерь смерти были согнаны более 13 тысяч евреев (в том числе около четырех тысяч детей и пяти тысяч женщин). – (*примеч. пер.*).

³² *Frozen Time, Liquid Memories. DVD, 90 min. USA: Cinetaph Productions, 2012.* Премьерный показ фильма состоялся 23 января 2012 года в Музее Харна, Университет Флориды. Фильм также показывался в Нови-Саде, Сербия, Университете Техаса (Остин), Пристонском университете, Йельском университете, Образовательном центре выживших в Холокосте и друзей, в Центре еврейских исследований Университета в Олбани, Университете Колгейт, Северо-Восточном университете, Университете Колумбии, Барух-Колледже (СУНИ, Нью-Йорк), Ратгерском университете, Британской библиотеке (Лондон) и Национальном мемориальном музее Холокоста (Вашингтон). Посвященная фильму конференция состоялась в Университете Дублина в июне 2013 года, материалы конференции со статьями Майкла О'Рурка, Тины Кинселлы, Кэрол Оуэнс и Имон Данн вышли весной 2015 года. Транскрипт фильма опубликован в Лондоне в: *Kujundžić D. Frozen Time, Liquid Memories // Wasafiri. 2014. No. 29. P. 72–79.*

привлечения поэзии Целана к борьбе против идеологии хайдеггеровского понимания поэзии. Разумеется, присутствие Целана в фильмах о Дунае неслучайно. Поэт родился в Черновцах, городке на реке Прут, притоке Дуная³³. Целан совершил самоубийство, прыгнув в Сену в Париже 20 апреля 1967 г. Его поэзия хранит в себе разочарование в Хайдеггере, с которым он встречался в 1966 г. незадолго до собственной смерти. В стихотворении «Тодтнауберг» (1968) выражена надежда на подлинную встречу с Мыслителем – несбывшуюся, как не сбылась и целительная сила «арники, очанки» – которая должна была случиться на Горе Смерти, в Тодтнауберге, где Целан и Хайдеггер встретились 25 июля 1966 г. Целан надеялся, что слово проложит себе дорогу к сердцу Мыслителя, но все было тщетно³⁴.

Цитата из «Поворота дыхания» была моей попыткой продумать репрезентацию Холокоста в видеонарративе, в то время как поэтический язык Целана ставит вопрос о роли поэзии и философии после Холокоста, напрямую выступая против хайдеггеровской мифологизации и национализации поэтического жеста, которые он проделывает с поэзией Гёльдерлина. Поэзия Целана сопротивляется присвоению какой бы то ни было географической области поэтического жеста и заставляет нас читать и переживать – словами Лаку-Лабарта из его «Катастрофы», посвященной Целану – замещение «здешнего и чужого, близкого и далекого – которые неизбежно присваивают места – на нелокализуемое разделение различия или инаковости. В месте (без места) случается “другой” – уникальное существование, во имя которого... поэзия дает надежду на речь. Отчуждение уступает место встрече»³⁵. Цитата из Целана на серо-черном фоне плавающих в замерзшем Дунае тел, должных согнуться в замерзшей печи этой реки, внушает нечто, схожее с мыслями Жака Деррида в «Шибболет – Для Пауля Целана» о фигурах золы. Они суть то, что «уничтожает или угрожает уничтожением даже самой возможности свидетельствования об уничтожении. Зола – это фигура уничтожения без остатка, или без прочитываемого или дешифруемого архива»³⁶. Вписывание Целана в «Текущие воспоминания» усиливает рефлексию кино съемки или видеопотока доказательством или показанием о событии, которое, предположительно и неукоснительно, должно было остаться без свидетельства и, таким образом, без дешифруемого архива. Videopоток, следовательно, принужден к невозможной встрече с потоком реки, сохранению непоправимой потери, созда-

³³ В «Призраках дома: жизнь после Черновиц в еврейской памяти» Марианн Хирш и Лео Шпитцер отмечают сильную идентификацию жителей Черновиц с Веной. До самой Второй мировой войны они представляли свой город как «Вену Востока» – вплоть до того, что местный пляж на реке Прут называли «Gänsehäufel» [стая гусей] – как знаменитый пляж под Веной на берегу Дуная (Hirsch M., Spitzer L. Ghosts of Home. Afterlife of Chernowitz in Jewish Memory. Berkeley, 2010. P. 233).

³⁴ «...о надежде / сегодня в сердце / на мыслящего / слово, что грядет» (пер. М. Белорусца). – (примеч. пер.).

Комментируя эту встречу, которая в глубоком смысле не состоялась, и отмечая работу Лаку-Лабарта о Хайдеггере, Морис Бланшо писал: «Непоправимая ошибка Хайдеггера состоит в его молчании по поводу окончательного решения. Это молчание или его отказ при встрече с Целаном просить прощения за то, что нельзя простить, привело поэта в отчаяние, и он заболел. Ведь Целан знал, что событие Шоа было раскрытием сущности Запада. И он знал, что необходимо совместно сохранить эту память, даже если это повлечет за собой утерю всякого ощущения мира, дабы уберечь возможность отношения с другим» (Blanchot M. Thinking the Apocalypse: A Letter from Maurice Blanchot to Catherine David // Critical Inquiry. 1989. Vol. 15. No. 2. P. 479).

³⁵ Lacoue-Labarthe Ph. Poetry as Experience. Stanford, 1999. P. 60.

³⁶ Derrida J. A Self-Unsealing Poetic Text: Poetics and Politics of Witnessing // Revenge of the Aesthetic: The Place of Literature in Theory Today. Berkeley; Los Angeles, 2000. P. 152.

нию и удержанию, расплавлению и уничтожению воспоминаний. Как пишет Рой Брэнд, это вопрос съемки как «свидетельствования, которое не компенсирует утрату добавлением содержания. Она находится в позиции утраты и свидетельствует о ней. <...> Присутствовать [при ней] – вовсе не онтологически, а этически – как быть ответственным или, по крайней мере, отзывчивым по отношению к событию»³⁷.

В «Текучих воспоминаниях» предпринимается попытка рассеять исток и устье Дуная на неопределенные источники и истоки, которым еще предстоит явиться на встречу с Другим в самом себе. Фильм открывает возможность технологически перенаправить мусор идеологии – не к древнему истоку, но к тому месту, которое всегда уже занято, занято другим, встреча с которым происходит в фильме. Это место можно назвать прост-этическим. Это место этического решения, которое должны принять фильм, письмо и любое действие архивации. Прост-этическое проблематизирует время письма, предшествует ему и заставляет принять невычисляемое, неожиданное этическое решение. Оно открывает письмо невозможному, но необходимому.

В конце фильма «Истр» мы узнаем, что у Дуная на самом деле два истока – Бриг и Брег. Необходимо сохранять строгий нейтралитет, если вы желаете насладиться гостеприимством жителей деревень у истоков этих речушек, ведь они издавна соперничают за право считаться истоком Дуная. В начале, у источника – не единичность бытия, а *война истоков*, расколотый надвое исток: архе-след. И *жгучий* вопрос гостеприимства и золы: «Приди же, пламя!».

Перевод с английского К.С. Майоровой
(аспирант филос. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова)

Список литературы / References

Blanchot, M. “Thinking the Apocalypse: A Letter from Maurice Blanchot to Catherine David”, trans. by P. Wissing, *Critical Inquiry*, 1989, vol. 15, no 2, pp. 475–480.

Brand, R. “Witnessing Trauma on Film”, *Media Witnessing. Testimony in the Age of Mass Communication*, ed. by P. Frosch & A. Pinchevski. New York: Palgrave Macmillan, 2009, pp. 198–214.

Derrida, J. “A Self-Unsealing Poetic Text: Poetics and Politics of Witnessing”, trans. by R. Bowlby, *Revenge of the Aesthetic: The Place of Literature in Theory Today*, ed. by M.P. Clark. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2000, pp. 180–207.

Derrida, J. “Of Spirit”, trans. by R. Bowlby & G. Bennington, *Critical Inquiry*, 1989, vol. 15, no 2, pp. 457–474.

Eaglestone, R. *The Holocaust and the Postmodern*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 369 pp.

Heidegger, M. *Hölderlin’s Hymn ‘The Ister’*, trans. by W. McNeill & J. Davis. Bloomington: Indiana UP, 1996. 200 pp.

Heidegger, M. *Hölderlin’s Hymns ‘Germania’ and ‘The Rhine’*, trans. by W. McNeill & J. Ireland. Bloomington: Indiana UP, 2014. 312 pp.

Heidegger, M. *Gesamtausgabe*, Bd. 96: Überlegungen II–XV (Schwarze Hefte 1931–1938). Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann Verlag, 2014. 286 S.

Hirsch, M. & Spitzer, L. *Ghosts of Home. Afterlife of Chernowitz in Jewish Memory*. Berkeley: University of California, 2010. 392 pp.

Jacobs, C. “Dusting Antigone”, *MLN*, 1996, vol. 111, no 5, pp. 889–917.

Lacoue-Labarthe, Ph. *Poetry as Experience*, trans. by A. Tarnowski. Stanford: Stanford UP, 1999. 156 pp.

³⁷ Brand R. Witnessing Trauma on Film // Media Witnessing. Testimony in the Age of Mass Communication. N.Y., 2009. P. 205–209.

Lacoue-Labarthe, Ph. *Agonie terminée, agonie interminable. Sur Maurice Blanchot*. Paris: Galilée, 2011. 176 pp.

Lacoue-Labarthe, Ph. *Heidegger and the Politics of Poetry*, trans. by J. Fort. Urbana: University of Illinois Press, 2007. 111 pp.

Lacoue-Labarthe, Ph. *Heidegger, Art and Politics*, trans. by C. Turner. London: Basil Blackwell, 1990. 176 pp.

Lacoue-Labarthe, Ph. "Neither an Accident Nor a Mistake", trans. by P. Wissing, *Critical Inquiry*, 1989, vol. 15, no 2, pp. 481–484.

Ott, H. *Martin Heidegger. Unterwegs zu Seiner Biographie*. Frankfurt am Mein: Campus Verlag, 1988. 355 S.

Pöggeler, O. "Heideggers Politisches Selbstverständnis", *Heidegger und die praktische Philosophie*, hrsg. von A. Gethmann-Siefert und O. Pöggeler. Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 1988. S. 17–63.

Tišma, A. *Knjiga o Blamu*. Beograd: Nolit, 1972. 272 S.

Zimmerman, M.E. "The Death of God at Auschwitz?", *Heidegger and the Holocaust*, ed. by A. Milchman & A. Rosenberg. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1994, pp. 246–260.

Geopolitics and prosthetics

Dragan Kujundzic

PhD, Professor. University of Florida. Walker Hall 202, Gainesville 118020, USA, FL; e-mail: dragan@ufl.edu

In 1942 Martin Heidegger held a seminar on Hölderlin's poem *The Ister* (the Greek name of the river Danube), which served as inspiration for the homonymous film released in 2004. The present essay assesses the impact of this film, the philosophical effect Heidegger's seminar exerted on the ontology of Europe and its topography, and takes a critical stance regarding its nationalist implications. In 2001, the author of this essay made his own film, *Frozen Time, Liquid Memories*, about the *racija* in Novi Sad in 1942, a pogrom of nearly 1.400 jews and serbs; it includes an interpretation and visual quotations from the film *The Ister*, while the present essay additionally reflects on the implications of both films for the topography of the Danube, for the ontology of Europe, for ethics and geopolitics. Following the ideas expressed in the work of Samuel Weber, the author takes a stance against the nationalist implications of Heidegger's seminar (and of his newly published *Black Notebooks*), as well as against both old and recent nationalist appropriation and use of the Danube as a site of war crime ad genocide. The paper is ultimately concerned with the construction and invention of the national and European topography in the philosophy and literature written "after" the Holocaust.

Keywords: European geopolitics, the Holocaust, Hölderlin, Heidegger, film, video